

Мансийское поселение Ломбовож в ретроспективе мифов и исторических реальностей

С. А. Попова

*Обско-угорский институт прикладных
исследований и разработок,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
rusina-popova@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена исследованию мансийского поселения Ломбовож, богатого на события, культовые объекты и археологические памятники, его истории с древности и до настоящего времени. Рассматриваются мифы, легенды, предания, архивные источники, направленные на выявление его роли и значимости в истории не только народа манси, но и обско-угорского населения в целом, положения, как центрального культового объекта, имеющего влияние на жизнь обитателей огромной территории.

Цель: выявить мифы, представления, факты, события в их временной последовательности, характеризующие поселение Ломбовож как главный политический и культовый центр северной группы манси.

Материалы исследования: опубликованные источники зарубежных, советских и российских этнографов, археологов, лингвистов; устное народное творчество манси; полевые материалы автора (1993–2017 гг.).

Результаты и научная новизна. В ходе анализа выявляется выдающаяся роль Ломбовожа как политического и культового центра, обнаруживается суть его предназначения: священный холм, культовое место, княжеская резиденция. В этимологическом разномыслии его названий отражены мифологические и религиозные события разных эпох: городище-холм; взбирающийся вверх; торфяной клочок; голый как ладонь; место [временной] смерти. Как культовый центр он влиял на сохранение верований разных по происхождению, времени, статусу и этническим признакам объединений с наиболее значимыми для коренного населения святилищами: фратриальное – *Төрөв ййкв*, межфратриальное – *Төрүм кан*, родовые – *Павлың ойка*, как военно-политический центр олицетворял вождество и княжеское правление.

Новизна исследования заключается в том, что в научный оборот вводится новый хронологический материал характеризующий последовательность развития поселения Ломбовож. В реконструируемых событиях, на основе сравнительного анализа данных археологии, этнографии, лингвистики находят отражение и некоторые процессы, имеющие отношение к формированию северной группы манси в целом.

Ключевые слова: манси, Ломбовож, фольклор, мифологические и религиозные представления, история поселения

Для цитирования: Попова С. А. Мансийское поселение Ломбовож в ретроспективе мифов и исторических реальностей // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 4 (55). С. 776–785.

The Mansi settlement of Lombovozh in a retrospective of myths and historical realities

S. A. Popova

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
rusina-popova@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article is devoted to the study of the Mansi settlement of Lombovozh rich in events, religious sites and archaeological monuments, its history from antiquity to the present. Myths, legends, archival sources are considered, aimed at identification of its role and significance in the history of not only the Mansi people, but also the Ob-Ugric population as a whole, as a central cult object that has an impact on the lives of the inhabitants of a vast territory.

Objective: to identify myths, ideas, facts, and events in their temporal sequence that characterize the settlement of Lombovozh as the main political and cult center of the North Mansi group.

Research materials: published sources of foreign, Soviet and Russian ethnographers, archaeologists, linguists; oral folk art of the Mansi people; field materials of the author (1993–2017).

Results and novelty of the research: during the analysis, we revealed the outstanding role of the Lombovozh as a political and religious center, and discovered the essence of its purpose: a sacred hill, a place of worship, a princely residence. The etymological discrepancy of its names reflects the mythological and religious events of different eras: hillfort; climbing up; peat patch; bare as a palm; place of [temporary] death. As a cult center, it influenced the preservation of beliefs of different in origin, time, status and ethnic characteristics societies with the most significant sanctuaries for the indigenous population: phratrial – *Tõrev Jikv*, inter-phratrial – *Tõrum Kan*, ancestral – *Pāvlyņ õjka*. As a military and political center it represented chiefdom and princely rule.

The novelty of the research lies in the fact that a new chronological material is introduced into scientific circulation characterizing the sequence of development of the settlement of Lombovozh. In the reconstructed events, based on a comparative analysis of data of archaeology, ethnography, and linguistics, some processes related to the formation of the North Mansi group as a whole are reflected.

Key words: Mansi, Lombovozh, folklore, mythological and religious beliefs, history of the settlement

For citation: Popova S. A. The Mansi settlement of Lombovozh in a retrospective of myths and historical realities // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2023; 13 (4/55): 776–785.

Введение

Множество мифов, легенд, преданий, позволяющих выявить довольно большой пласт знаний о Ломбовоже как поселения в мифологическом и реальном времени. В его истории отмечается несколько периодов: заселение, расцвет; забвение, вплоть до исчезновения; новое появление. По крайней мере, можно отметить, что его население менялось, как минимум, трижды. Смена событий и даже целые эпохи отражены в его разных названиях, например, в мифологическое время – *Ўс сяхыл*; [нõх] *Лапум ўс*; по месту юношеских инициаций – манс. *Лопмус*, хант. *Ломб-вож*; современное название – Ломбовож. Существует значительный семантический ряд его названий по наличию святилища *Тõрум кан*; с периодическими обрядами *Тõрев ййкв* и танцами (плясками) воинов. При всех изменениях он всегда оставался центром объединения – культово-религиозного, военно-политического.

Ломбовож встречается в разных источниках: этнографических, научных, краеведческих, литературных (очерках). В официальных государственных документах он отмечается с 1858 г. (документы X ревизии) как юрты Лобымважские. Имеются и более ранние упоминания, например, в описании зимнего похода (1499–1500 гг.) русских воинов под командованием С. Ф. Курбского и П. Ф. Ушатого через Приполярный Урал в Сибирь и в связи со строительством Обского городка (1585 г.) отрядом под командованием воеводы И. Мансурова. В известном труде «Книга Большому чертежу» (1627 г.) также фиксируется «*Лопынг уш*» (Ляпинское городище) [7]. В жалованной грамоте, данной русским царём Фёдо-

ром Ивановичем Ляпинскому князю Лугую, Ломбовож значится как поселение [4].

В. Н. Чернецов, исследователь культуры манси, в полевых дневниках и научных статьях даёт как лингвистические сведения (название поселения, топонимы) так и этнографические (по родовому духу предку, периодическим обрядам) [6, 19; 18, 162]. З. П. Соколова в своих этнографических трудах описывает поездку в Ломбовож [14, 167–180], на материалах мифов описывает возможные древние процессы заселения территории [15, 118–143]. Е. Г. Фёдорова в статье о Ломбовоже, даёт самую полную информацию о поселении и археологических памятниках вокруг него [16, 216–226]. Системное и наиболее полное описание святилищ и культовых мест, расположенных на территории и в окрестностях Ломбовожа, принадлежит этнографам И. Н. Гемуеву, А. М. Сагалаеву [3]. Археологи А. П. Зыков, С. Ф. Кокшаров в ходе исследовательских экспедиций отметили археологические памятники и дали оценку перспективности раскопок городищ Ломбовож I, II [5, 37–44; 8, 95–101; 9, 67–74]. С. В. Бахрушин в сборнике о сибирских княжествах даёт сведения и по ляпинскому княжеству [2, 37, 67–68]. Материалы о Ломбовоже можно найти в статьях и записках путешественников, краеведов, описывающих природу, быт и верования сибирских народов. Но, особо, в изучении религии обских угров выделяются зарубежные учёные, чьи труды стали ныне классическими. Речь идёт, прежде всего, о венгерских исследователях А. Регули [27] и Б. Мункачи [25], а также финских учёных К. Ф. Карьялайнен [24] и А. Каннисто [23]. Свои воспоминания о Ломбовоже написал современный эстонский исследователь

К. Кама [22]. Цикл статей последних лет, где упоминается Ломбовож, связан с именем выдающегося резчика по дереву, самобытного художника и собирателя фольклора, потомка последних ляпинских князей П. Е. Шешкина [12, 739–747; 21; 17, 188–197; 26, 59–64].

Материалы и методы

В исследовании автор анализирует и обобщает опубликованные источники этнографов, археологов, лингвистов написанные на основе личного собранного в Ломбовоже материала: В. Н. Чернецова, З. П. Соколовой, Е. Г. Фёдоровой, И. Н. Гемуева и А. М. Сагалаева, А. П. Зыкова и С. Ф. Кокшарова, Е. И. Ромбандеевой, П. Е. Шешкина, а также полевые материалы автора, собранные в результате экспедиционных поездок на Сев. Сосьву на протяжении более 25 лет (1993–2017 гг.).

В качестве основополагающего методологического принципа автор применяет историко-культурный метод исследования с привлечением этнографии, фольклористики, лингвистики. Одним из ведущих выступает метод сопоставительного анализа фольклорных и языковых образцов как наиболее целесообразный для решения поставленной цели, а также интерпретационный метод, позволяющий благодаря комментариям автора представить семиотическое понимание культуры и традиционного мировоззрения манси.

Результаты

В мифологической периодизации этногенеза и истории манси выделяются два больших этапа – древняя первобытная *Эрыг йис* ‘песенная эра’ и становление этнических образований *мойтың йис* ‘сказочная эпоха’. Эти значительные вехи детализируются внутренними периодами, с характерными признаками, и схожими процессами, распространяющиеся на все территориальные образования северной этнографической группы манси. В данном случае исследуется поселение Ломбовож (р. Ляпин/Сыгва, левый приток С. Сосьвы), где исторически проживают носители сыгвинского диалекта северного наречия мансийского языка. Истоки формирования Сыгвинской (Ляпинской) группы уходят в далёкое прошлое, именуемое «песенной эрой». В это время, на Урале и его предгорьях происходят процессы передвижений и великих переселе-

ний разных народов выявить этнические признаки которых не представляется возможным [15, 129]. Выделяется и автохтонное население с характерными приметам социальной организации объединений – женские коллективы под управлением *Порнэ* и *Мбщнэ*. В мифологии, они совместно с *Нуми Тбрум’ом* ‘Верховный бог’, принимают участие в актах первотворения. О лидирующей роли женщины в древних коллективах, свидетельствуют священные песни, исполняемые на Медвеьем празднике, где сохранены архаические образы женщин-героинь-правительниц [1, 188–217]. Или, например, фольклорные словосочетания *энкв̄аруп ма̄* ‘материнской/женской деятельности земля’ и *энкв̄аруп ма̄хманув* ‘наш народ материнской/женской деятельности [под управлением матери/женщины]’ имеют общее смысловое значение «оставленное, памятное, бывшее материнское/женское (время, земля/территория, народ/предки, вещь)» [10, 432]. Памятные поселения с исчезнувшим населением [ушло, погибло], в мансийском языке называются *јс*, от слова *јсыл* ‘смерть/погибель’. В таких местах нельзя строить новые жилища, их почитают как *ялтың ма̄* ‘священная территория [земля наших предков]’, археологи и этнографы их называют «городище» и относят к археологическим памятникам. В нашем исследовании слово *јс* соответствует переводу «городище», поскольку другие известные (город, городок, городской холм, ляпинский курган) не соответствуют сути и значению оригинала.

К женскому/материнскому времени относятся памятники *Тан в̄аруп Эква јс сяхыл* ‘Жилы скручивающей женщины Городище-холм’ (букв.: Городище-холм женщины, скручивающей высушенные жилы (сухожилия) животных, превращая их в нить). Такие поселения были известны по Ляпину – в Щекурье, на Лозье, Пелыме, по Северной Сосьве – около с. Няксимволь, д. Нёрахи. На сегодня, наибольшую известность имеет обиталище *Тан в̄аруп Эква’ы* в д. Ломбовож [8, 95–96; 14, 171, 172; 16, 223–224; 19, 213]. Е. Г. Фёдорова пишет о реальных событиях происходящих вокруг Ляпинского городка, Ломбовожа, о подтверждающих эту реальность археологических памятниках [16, 222]. Памятники относятся к разным векам и эпохам, события, происходящие в них, находят отражение

в мифологии. Один из них – холм *Ўс сяхыл* ‘Городище-холм’, место обитания *Тāн вāрун э́кв’ы*. Он расположен к востоку от деревни, на берегу р. Лобынка (современное название) и отделяется от самого селения некогда глубоким рвом. По легенде из городища шёл «подземный ход», «тайник», «дверь» к реке (в обрыве) [14, 171]. Население проживало в *макол* ‘землянка’ (букв.: земляной дом), возможно в тех, очертания которых ещё можно видеть в окрестностях Ломбовожа. О хозяйке поселения *Тāн вāрун э́кв’е* до сих пор рассказывают легенды и предания, правда, с негативным оттенком. Пугают, что она *вōрут* ‘некая лесная’, подобно, как Баба Яга в русских сказках. Особо опасна встреча с ней для детей и женщин. Вечером детям нельзя выходить из дома, она, якобы, хватает их и ест. Женщинам в вечернее и ночное время нельзя скручивать сухожильные нити, иначе явится *Тāн вāрун э́ква* и защекочет до смерти. Но, если заглянуть вглубь истории народа, то этот образ представляется женщиной-героиней, руководителем коллектива, имеющей большой авторитет среди населения, подобно тем женщинам, которые воспеваются в мифах, исполняемых на медвежьем празднике [1, 188–236].

Из сведений П. Е. Шешкина, полученных им от информантов манси, в Ломбовож (как центр) свозилось множество деревянных скульптур. Были среди них и две главные статуи, с одинаковым изображением «мудрой волшебницы» [правительницы] сидящей верхом на животном¹. По Шешкину эти статуи изображают *Тāн вāрун э́кв’у* и каждая из них стояла в центральной части двух городищ (вокруг Ломбовожа несколько расположенных неподалеку друг от друга городищ). Обе фигуры были схожи, разница была в животном, на котором она сидела. В её основном месте обитания на *Ўс сяхыл* ‘Городище-холм’, она сидит верхом на белом коне, а в другом – на журавле. Естественно, скульптуры не сохранились, но возможно, их воплощение, осталось в изображении на священных покрывалах, найденных в Ломбовоже.

Но времена менялись и вследствие разных причин, главная из которых – ассимиляция новым пришлым населением, древние

воззрения на женское правление видоизменились. Вместе со сменой этнического состава населения некогда бывшую Хозяйку большой семьи и правительницу поселения подвергли перевоплощению в страшную людоедку. Умение обращаться с сухожильными нитями обернулось признаком устрашения для окружающих, она, якобы могла не только воровать детей и щекотать женщин, но и, например, разорвать собаку и вытащить из неё жилы. В данном случае *Тāн вāрун э́ква* – это демонизированный образ чужого, враждебно настроенного для пришлого народа существа, которому необходимо насадить здесь своих кумиров и богов, как свидетельство окончательного овладения территорией.

Окончание женского правления и дефиниция следующего названия поселения (*Лапым ўс*) выявляются в событиях, имеющих связь с Великим Потопом *Яллың Сякв* ‘Священное Молоко’ или *яныг вит капай* ‘огромный поток воды’. В предании «О времени Большой воды» говорится, что какая-то часть населения была подготовлена к Потопу, они изготовили себе плоты. Вода подняла плоты вверх, а сама опустилась, поскольку пребывала в этом состоянии недолго, всего на время *акв нўт пайтнэ сыс* ‘варки одного котла’. Мифологические поднимавшиеся реки, манси называют *Лапум-я* = (*нōх*) *Лапум-я*, букв. направление – вверх поднимавшаяся река [11, 55]. Все они имеют горные истоки, и потому следует понимать, что плоты прибило к выступающим из воды вершинам Урала, поскольку последующие события с расселением послепотопного населения на новых территориях связаны непосредственно с Уралом. На территории проживания манси «поднимающихся рек» (*Лапум я*,) несколько, и одна из них озвученная на современный лад – Лобынка, от неё мансийское название Ломбовожа – *Лапум ўс*. Е. И. Ромбандеева по его расположению на местности даёт перевод, как (*нōх*) *Лапум ўс*, от *нōх* по направлению вверх, -*м* суффикс прошедшего времени и глагола *лапункве* ‘подняться’ [13, 46].

Известно, что *Лапум ўс* вырос рядом с *Ўс сяхыл* и его основателями явно были коллективы, перешедшие Урал. В мифах говорится, что население, оказавшееся в низменном

¹ П. Е. Шешкин. Тетради // ХМФ – № 1143/1-4 рукописи

болотисто-таёжном месте, перешло *Нёр* (*няр*) ур ‘голые горы’ (в мифе – образовавшиеся от брошенного точильного бруска девочкой *мось*). Это были высокие ледяные/каменные горы без всякой растительности, территория Приполярного Урала.

Пространство Приполярного Урала исторически занимает сыгвинская группа манси. Кто же его первые поселенцы? В исторических преданиях Ломбовож достиг своего расцвета, когда в период *мõйтыу йис* ‘сказочная эпоха’ Ляпинскую (Сыгвинскую) территорию стали заселять пришлые коллективы, их привлекали не тронутые богатые рыболовные и охотничьи места, пастбища [15, 129]. З. П. Соколова, также как П. Е. Шешкин в этих переселенцах видит «легендарный народ *Мис-мāхум*, предки тех групп манси, которые не сохранились до наших дней, они были ассимилированы хантами, но в памяти потомков остались легенды о *Мис-мāхум* и *Мõсьнэ*» [15, 129–130]. П. Е. Шешкин «сказочную эпоху» называет *мис-мāхум*’овским временем, а народ относит к *йис мāхум* ‘древние люди’. Название народа он определяет по их эпосу, в котором упоминаются занятия скотоводством (*мис* ‘корова’) и земледелием *мā тән* (букв.: ‘[с] земли еда, урожай’).

До прихода на низменную часть предгорий Урала объединения *мис-мāхум* вели бродячий образ жизни и были на низкой стадии формирования. Развитие получили, когда стали вести оседлый образ жизни. Они содержали богатые стада оленей (очевидно, сказалось умение обращаться с животными), следовательно, и меховую одежду, которую они украшали орнаментом. У них были шелка и сукно, медь и железо. Они обладали знаниями об устройстве Земли и её происхождении.

Именно в *мис-мāхум*’ском времени Ломбовож, по Шешкину, становится главным городом на Обском севере Западной Сибири. Он располагался по двум берегам речки Лобынки (сейчас он стоит на каменистом берегу реки Ляпин в устье реки Кемпаж). Длина города в эти века была около трёх километров, а ширина до одного километра. На его территории – три основных пункта: на месте современного поселения «девичья или женская площадка», к северу от неё – «княжеская площадь», ещё севернее «военная или мужская площадь». На площадях происходила демонстрация всяких

игр, исполнение исторических песен и музыки, танцев и обрядовых плясок. Традиционные праздники здесь проводились почти каждый день. В Ломбовоже было очень много музыкантов, сказочников, певцов и танцоров. Здесь был древнеугорский священный божественный храм, где хранились символы тотемных животных (*имта*), деревянные изображения мифологических богов – покровителей.

Вокруг поселения были прекрасные охотничьи угодья, возможно, что в какой-то период происходит возрастание роли охоты в жизни народа. Охота начала приобретать более организованные формы, регулируемым становится и период подготовки к ней, именно в этот период рождаются обряды инициации и посвящения. Параллельно происходит насаждение духов и богов в мужском облике и перенос святилищ из поселения за его пределы. Святилище, вынесенное за пределы территории проживания, действует как место проведения юношеских инициаций. Об этом писал и В. Н. Чернецов: «В своё время святилище являлось местом проведения инициаций, отголоски которых сохранились до недавнего прошлого» [20, 142]. Возможно, святилище называлось *Лопыу ўс* с значением «сакральное место, где проводились некие священнодействия (или таинства), связанные с временной смертью». Этимология выявляется от слов: *лоп* ‘некое сакральное, тайное место или действие’, *-у* суффикс обладания и *ўс* от *ўсыл* ‘погибель’. Примером могут послужить также записи В. Н. Чернецова, где говорится, что «*Лопым-ўс*, *Лопум-вож* по объяснению М. Хантыпина *лопыу* ‘торфяное место’, *лопыу* ‘тундра’» [6, 197], или замечание Т. А. Молдановой по поводу перевода с хантыйского языка Ломбовож как ‘город-ладонь’, где *ломб* ‘ладонь’ в значении «голый [как ладонь]», а *вож* ‘город’. Подобные представления (голый, торфяной, тундра) несут в себе мифологическую общеугорскую семантическую нагрузку синонима местности непригодной для жизни. Лексемы *лõпыс*, *-лопым/лэпым*, *-лоп* присутствуют на Медвежьем празднике в части представлений и атрибутов, символизирующих временную смерть, один из признаков обряда инициации. Например, маска на лице исполнителей *тўлыглан*’ов ‘сценок’, которая играет ту же

роль, что и *вільт л̄быс* ‘маска лица’, закрывающая лицо покойного в погребальном обряде, поскольку артисты считаются людьми, пришедшими с той стороны. Подобно этому и нанесение сажи на лица уснувших зрителей. Маски, исполняющие роль комаров и оводов, называются *лон-лон*, поскольку они являются мифологическими созданиями *Куля* хозяина подземного мира, якобы вырвавшиеся из отверстия Нижнего мира.

В тоже время буквальный перевод *ло-лым*, может означать ‘место, где всё население погибло (исчезло)’ [16, 217], что тоже имеет связь с реальным фактом истории. П. Е. Шешкин в своих исторических записках отмечает, что население Ломбовожа с самых отдалённых времён, непрерывно страдало от болезней, эпидемий. Например, во второй половине XV в., за одну неделю страшная оспа унесла 300 человеческих жизней, а через две недели Ломбовож опустел. Население, покидая свои жилища, уходило, куда глаза глядят, вверх и вниз по течению рек Ляпин, Сосьва, и там оседало. В качестве примера приводит строчки из предания о Ломбовоже: «*Ус уллум мире – нэтэт, хумитэт, агит-ныгит – итынг телилыл, рохтим пумал урыл хоталь орсыт – та осилмасыт*». – «Жители города – женщины, мужчины, дети от испуга перед стремительно распространяющейся оспой, в безумии уходили, куда угодно».

Прошли годы, опустевший Ломбовож превратился в руины. На его месте вырос лес, который постепенно превратился в дремучую тайгу. В первой половине XVI в. сюда переселились среднеобские ханты, по сведениям П. Е. Шешкина – род Луищ (возможно Луи[а]щ от *л̄и* ‘нижний (по течению)’ и *ащ* ‘отец’ – *СП*). Постепенно стали заселяться и манси из ближайших окрестностей Ломбовожа, что можно назвать уже третьей волной переселенцев. Заселялись родами, примером тому служит тот факт, что в Ломбовоже было три *яныг кол*’а ‘большой/священный дом’, где хранились родовые святыни и проводились коллективные праздники и обряды. Информанты выделяют роды Шешкиных, Хозумовых, Албиных, в то же время отмечают, что все они не коренные, а пришлые и в основном после страшного мора от оспы. Представители этих родов были хранителями святылец, расположенных вокруг Ломбовожа и каждый род

своего духа предка позиционировал как *Павлыну б̄йк*’у «хозяина поселения». Кроме сезонных промысловых обрядов, раз в год или раз в три года (или в иной периодизации) устраивались празднества, посвященные родовому предку, на которых помимо жертвоприношений выполнялся и ряд других обрядов. Чужеродцы, как правило, на жертвоприношение не допускались [18, 175].

Кроме повторяющихся три-четыре раза в год жертвоприношений, некоторые роды устраивали периодические празднества в честь предка. У одних родов они повторялись ежегодно, у других – через три года, через семь лет. В народной памяти остались только периодические праздники в большом, главном доме (*яныг кол*) Шешкиных, отмечаемые в течение трёх лет, через каждые семь лет. О характере этого праздника В. Н. Чернецов пишет следующее: «На этих празднествах исполнялись специальные пляски, посвященные данному духу, иногда носившие военный характер, при которых исполнители надевали особые костюмы. Далее пелись песни о жизни и похождениях духа-предка и, по-видимому, справлялись какие-то магические обряды. К сожалению, мы имеем чрезвычайно скудные сведения о родовых празднествах этого типа. С большей или меньшей уверенностью можно утверждать лишь то, что в общих чертах они напоминали “медвежий праздник”» [18, 177].

Первый из переселенцев рода Шешкиных – Чес Кушкин обосновался в Ломбовоже с начала XVII в. Его родословная идёт от бывших князей западного Управления Среднего Урала – Кушкиных, фамилия которых была переименована в Шешкины русским царём Михаилом Романовым.

Периодические Медвежьи танцы в Ломбовоже трудно назвать родовыми, на празднование приезжали с разных территорий проживания манси: Ясунта, Маньи, с верховьев Лозьвы и Северной Сосьвы, с Куновата (левобережье Оби). От долгого пребывания большого количества народа, высокий берег реки Лобынки постепенно был вытопан и к настоящему времени стал совсем пологим. Жители Ломбовожа считают, что современные два котлована, вместо некогда высокого берега, образовались от игр в прошлом.

Праздник отличался, например, от периодического медвежьего праздника в Вежакарах

тем, что устраивали его в летний период и по сведениям информантов, назывался он *Төрөв ййкв* ‘Священные танцы’, где *Төрөв* божество женского пола (самка/медведица). В Ломбовоже, как и на Лозье объясняют, что словом *Төрөв* (она, медведица) её могут называть только мужчины, для женщин оно табуировано. Информанты ещё слышали от старшего поколения о том, что в Ломбовоже каждые три года танцевали медведя, все вещи для праздника хранились в доме последних Ляпинских князей Шешкиных. На Ляпине события периодических медвежьих обрядов связаны с протокой Сорахт. По мифам здесь пребывает один из сыновей *Полум-Төрүм*’а – *Ур-Мис-Хум* ‘Горы/возвышенности-Мужчина-Мис’, его второе имя – *Сѳрахт-Талях-Ойка* ‘Вершины-Сорахта-Мужчина/хозяин’. Накануне праздника в устье Сорахта проводились соревнования на лодках (*Сорāхт-сўнт касэгыт*). После соревнований возвращаются в Ломбовож играть (*Лопмўсыт ёнгэгыт*). Играть, плясать, праздновать – это синонимы медвежьих (*пупыг*) обрядов: «*Пупыг ййкв* так же, как и медведя, сначала танец с саблями, а потом поют *кастын-эрыг*» [6, 200]. Как и в Вежакарах, все родовые объединения привозили своих духов-предков, но, если в Вежакарах проводился в их честь обряд жертвоприношения (вне дома) и соответственно делалось их символическое «кормление», то в Ломбовоже: «Их не кормили, на медвежьём празднике, плясках духов вынимали и ставили в переднем углу» [14, 172].

Помимо «родовых» культовых мест в окрестностях села находилось святилище особого ранга – *Төрүм кан* ‘Место [поклонения] небесному богу’ [3]. По наличию святилища и представлениям, имеющим связь с культом небесного бога, манси называют Ломбовож: *Төрүм пѳйксян пāвыл* ‘Деревня просьб / молитв *Төрүм*’у’; *Төрүм лѳнх сўнт пāвыл* ‘поселение [у] порога дороги к *Төрүм*’у’, а территорию называют *ялпын пурлахтнэ мā* ‘святая земля угощения, подношений [угодных богу]’. На этой земле *няйт мāхум ѳлэгыт* ‘с особыми возможностями люди проживают’. В мифах говорится, что «порог» к проходу [в] Небесный мир охраняют три духа-предка, которых так и называют *Төрүм колāви сўнт ўрнэ мāхум*.

В предании (*пѳс потыр*) говорится, что святое место выбрал дух (*пупыг*), отправлен-

ный самим *Төрүм*’ом с небес. Дух приземлился, но потом передумал и отдал предпочтение другому месту: «где земля кружится, где вода кружится» и уже оттуда улетел обратно вверх. Ломбовож рядом, поэтому его и называют *Төрүм лѳнх сўнт пāвыл* ‘У порога дороги *Төрүм*’а поселение’. Первоначальное место приземления духа находится в нескольких километрах от святилища на устье р. Туруп-я и р. Кемпаж, называется *Пупыг пāвыл* ‘(его) *пупыг* деревня’, или *Пупыг исум пāвыл* ‘деревня, где приземлялся *пупыг*’ [13, 45; 11, 60]. В этой деревне постоянно проживает семья Хозумовых, представители которой являются хранителями святилища *Төрүм кан*. Имеются варианты, где речь идёт о других хранителях, тем не менее, о времени прибытия на культовое место и проведении обряда всегда обращаются к Хозумовым. В 1998 г., во время последнего массового посещения *Төрүм кан*, три брата из этой семьи присутствовали на правах хозяев святилища [11, 69; 72].

Обрядовые действия на святилище предвзяются соревнованиями или гонками на лодках, которые начинались от деревни, из которой отправлялись мужчины на обряд и длились до протоки Сорахт. По их окончании мужчины отправлялись к *Пупыг-сўнт*’у, чтобы на завтра уйти на святилище. Подобные соревнования, проходили и когда отмечали летом *Төрөв ййкв* ‘Священные танцы’. Разница состояла в том, что «гонщики» от Сорахта, в первом случае возвращались в Ломбовож «играть», а во втором, отправлялись на *Пупыг-сўнт*, чтобы затем уйти на культовое место.

Этнографы И. Н. Гемуев и А. М. Сагалаев определяют *Төрүм кан* как культовое место территориальной группы и соотносят с периодом становления военно-потестарной организации обских угров <...> удобным местом для межфратриальных церемоний [3, 126]. В селе устраивались регулярные праздники с военными плясками: «мужчины, исполнявшие танцы с мечами, были одеты в специальное платье, на головах их укреплялись наголовники в виде суконной ленты с пришитыми к ней пластинами из серебра, посеребрённой латуни или жести» [3, 90]. Военная тематика мифов богата сведениями о духах-предках в образе воинов. Известно, что сначала в Ломбовоже был какой-то хранитель, хозяин – *Павлың ѳйк*’а, букв.

Поселение [имеющий] или поселением [владеющий] мужчина, о нём была песня, но её забыли. Далее его называют *Лахрыну ойка* 'Кольчугу [имеющий] мужчина', а место поклонения переносится за пределы территории поселения. Возможно, это святилище на Соракте, где обитают пришедшие с верховьев Лозьвы семь братьев-богатырей в кольчугах. Есть ещё святилище духа-предка *Хулюм аки*, прибывшего с дружиной на военном корабле, который так и остался стоять в окрестностях Ломбовожа, превратившись в остров в виде большой лодки. Е. Г. Фёдорова представляет *Хонт Тõрум*'а 'Войны бог' как основателя городка *Ўс сяхыл* [16, 22].

Возможно, скопление разных святилищ вокруг Ломбовожа, проводимые в них обряды, отражают церемонии целой территориальной группы переселившихся в него жителей из других поселений и местностей и перенёсших с собой изображения и представления своих духов-предков.

Обсуждение и заключения

Как видим, в истории Ломбовожа отразились как разные мифологические эпохи, в которых отражена его ранняя история, так и

миграционные процессы заселения Ляпинской территории, слияние групп угорского населения, смена мировоззренческих установок за которыми вполне могут стоять реальные события: формирование древнего поселения под управлением матери-женщины, как одна из архаичных ступеней развития религиозных представлений в честь женских духов, хозяев воды, огня, леса, гор.

Богатые лесные ресурсы обусловили развитие охотничьего промысла, как и все древние охотники, юноши проходили стадию мужских инициаций, которые находят отражение в названиях сначала святилища, а затем и места проживания.

Новое время выявляется как время правления князей и религиозно-мифологических представлений о духах-предках в обличье воинов.

Религиозные практики жителей Ломбовожа выражались в использовании святилищ, культовых мест расположенных вокруг него. Их возникновение, функционирование и атрибутика имеет свою историю, но, кажущиеся чужие образы и символы органично вошли в общую, территориальную религиозную традицию.

Список источников и литературы

1. Антология поэзии Медвежьего праздника северных манси / сост. Н. В. Лукина, С. А. Попова. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2020. 509 с.
2. Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества. Л.: Изд-во ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смиловича, 1935. 85 с.
3. Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси. Культовые места (XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1986. 192 с.
4. Жалованная грамота царя Фёдора Ивановича Вымскому князю Лугую (август 1586 г.) // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М.: Тип. Н. С. Всеволожского, 1819. Ч. II. С. 88–89.
5. Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Феномен таёжной цивилизации // Родина. 2000. № 5. С. 37–44.
6. Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 284 с.
7. Книга Большому чертежу. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 229 с.
8. Кокшаров С. Ф. Изучение Ломбовожских городищ // Меньшиковские чтения–2007. Берёзово: Берёзовская топография, 2008. С. 95–101.
9. Кокшаров С. Ф. Из ранней истории Ломбовожа // Уральский исторический вестник. 2009. № 2 (23). С. 67–74.
10. Мифы, предания, сказки хантов и манси / пер. с хант., манс., немец. языков; сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной; под общ. ред. Е. С. Новик. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 568 с.
11. Попова С. А. Мансийские календарные праздники и обряды. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. 138 с.
12. Попова С. А. Рукописные материалы П. Е. Шешкина как источник по этнической истории угорской общности: периодизация и этнолингвистический аспект // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 4. С. 739–747.
13. Ромбандеева Е. И. Ойконимы на территории расселения северных манси // Материалы IV Югорских чтений: Сб. научных статей / под ред. Е. И. Ромбандеевой. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2001. С. 44–52
14. Соколова З. П. Отрывок из полевого дневника о поездке на реку Ляпин в 1966 году // Вестник угроведения. 2015. № 4 (23). С. 167–180.

15. Соколова З. П. К происхождению обских угров и их фратрий (по данным фольклора) // Традиционные верования и быт народов Сибири. XIX – начало XX в. Новосибирск: Наука, 1987. С. 118–143.
16. Фёдорова Е. Г. Ломбовож: к возможному прошлому // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей / отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та. 2002. Вып. 1. С. 216–226.
17. Чепреги М., Хорват Ч. Пётр Ефимович Шешкин и Венгрия // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 1. С. 188–197.
18. Чернецов В. Н. К истории родового строя у обских угров // Советская этнография. 1947. Т. 6–7. С. 159–183.
19. Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. Обзор и классификация материала // Материалы и исследования по археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1957. № 58. С. 136–245.
20. Чернецов В. Н. Представления о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований: Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. М.: АН СССР, 1959. Т. 51. С. 114–156.
21. Шешкинские чтения: Матер. регион. науч.-практич. конф. Саранпауль: Издательские решения по лицензии Ridero, 2022. 202 с.
22. Kama Kaido Viimase mansi kuninga meenutuseks: Kaksikümmeend kuus aastat hiljem // Akadeemia. 2008. № 7 (232). Pp. 1411–1436.
23. Kannisto A. Materialien zur Mythologie der Wogulen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1958. 443 p.
24. Karjalainen K. F. Die Religion der Jugra Völker. Helsinki: Porvoo, 1922. Bd. II. 284 p.
25. Munkácsi B. Vogul Népköltési Gyűjtemény. III/1. Medveénekek. Vogul szövegek és fordításaik. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1893. 539 p.
26. Panchenko L. N. Small genres of folklore in the manuscript heritage of P. E. Sheshkina: translation // Proceedings of the International Conference “Scientific research of the SCO countries: synergy and integration”. (December 8.12.2020, Beijing, PRC). China: Publ. Beijing, 2020. Part 2. Pp. 59–64.
27. Reguly Antal hagyományai / a Magyar tud. akad. megbízásából kiadta Hunfalvy Pál. Pest: Eggenberger Ferdinánd akad. könyvtárusnál, 1864. Köt. 1: A’ vogul föld és nép. 1864. VIII. 364 p.

References

1. *Antologiya poezii Medvezh’yego prazdnika severnykh mansi* [Anthology of poetry of the Bear Holiday of the North Mansi people]. Comp. by N. V. Lukina, S. A. Popova. Khanty-Mansiysk: Pechatnyy mir g. Khanty-Mansiysk Publ., 2020. 509 p. (In Russian)
2. Bakhrushin S. V. *Ostyatskiye i vogul’skiye knyazhestva* [Ostyak and Vogul principalities]. Leningrad: Izd-vo in-ta narodov Severa TSIK SSSR im. P. G. Smidovicha Publ., 1935. 85 p. (In Russian)
3. Gemuev I. N., Sagalaev A. M. *Religiya naroda mansi. Kul’ovyye mesta (XIX – nachalo XX v.)* [Religion of the Mansi people. Places of worship (XIX – early XX centuries)]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoye otdeleniye Publ., 1986. 192 p. (In Russian)
4. *Zhalovannaya gramota tsarya Fodora Ivanovicha Vymskomu knyazyu Luguyu (avgust 1586 g.)* [Letter of grant from Tsar Fyodor Ivanovich to Prince Luguay of Vym (August 1586)]. *Sobraniye gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v gosudarstvennoy kollegii inostrannykh del* [Collection of state letters and agreements stored in the State Collegium of Foreign Affairs]. Moscow: Tip. N. S. Vsevolozhskogo Publ., 1819. Part II. Pp. 88–89. (In Russian)
5. Zykov A. P., Koksharov S. F. *Fenomen tayozhnoy tsvivilizatsii* [Phenomenon of taiga civilization]. *Rodina* [Homeland], 2000, no. 5, pp. 37–44. (In Russian)
6. *Istochniki po etnografii Zapadnoy Sibiri* [Sources on the ethnography of Western Siberia]. Tomsk: Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 1987. 284 p. (In Russian)
7. *Kniga Bol’shomu chertezhu* [Book of the Big Drawing]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ., 1950. 229 p. (In Russian)
8. Koksharov S. F. *Izucheniye Lombovozhskikh gorodishch* [Study of Lombovozh settlements]. *Men’shikovskie chteniya – 2007* [Menshikov Readings – 2007]. Berezovo: Berezovskaya tipografiya Publ., 2008. Pp. 95–101. (In Russian)
9. Koksharov S. F. *Iz ranney istorii Lombovozha* [From the early history of Lombovozh]. *Ural’skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Bulletin], 2009, no. 2 (23), pp. 67–74. (In Russian)
10. *Mify, predaniya, skazki hantov i mansi* [Myths, legends, fairy tales of the Khanty and Mansi peoples]. Comp. by N. V. Lukina; ed. by E. S. Novik. Moscow: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoj literatury Publ., 1990. 568 p. (In Russian)
11. Popova S. A. *Mansiyskiye kalendarnyye prazdniki i obryady* [Mansi calendar holidays and rituals]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2008. 138 p. (In Russian)
12. Popova S. A. *Rukopisnyye materialy P. Ye. Sheshkina kak istochnik po etnicheskoy istorii ugorskoj obshchnosti: periodizatsiya i etnolingvisticheskiy aspekt* [Handwritten materials by P. E. Sheshkin as a source on the ethnic history of the Ugric community: periodization and ethno-linguistic aspect]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2020, no. 10 (4), pp. 739–747. (In Russian)
13. Rombandeeva E. I. *Oykonimy na territorii rasseleniya severnykh mansi* [Oikonyms on the territory of settlement of the North Mansi people]. *Materialy IV Yugorskiykh chteniya: Sb. nauchnykh statey* [Materials of the IV Yugra Readings:

Collection of scientific articles]. Ed. by E. I. Rombandeeva. Khanty-Mansiysk: Polygraphist Publ., 2001. Pp. 44–52. (In Russian)

14. Sokolova Z. P. *Otryvok iz polevogo dnevnika o poyezdke na reku Lyapin v 1966 godu* [Excerpt from a field diary about a trip to the Lyapin River in 1966]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2015, no. 4 (23), pp. 167–180. (In Russian)

15. Sokolova Z. P. *K proiskhozhdeniyu obskikh ugrov i ih fratrij (po dannym fol'klora)* [To the origin of the Ob Ugrians and their phratries (according to folklore)]. *Tradicionnye verovaniya i byt narodov Sibiri. XIX – nachalo XX v.* [Traditional beliefs and life of the peoples of Siberia. XIX – early XX centuries]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1987. Pp. 118–143. (In Russian)

16. Fyodorova E. G. *Lombovozh: k vozmozhnomu proshlomu* [Lombovozh: to a possible past]. *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo: Sb. statey* [Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug in the mirror of the past. Collection of articles]. Ed. by Ya. A. Yakovlev. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2002. Vol. 1, pp. 216–226. (In Russian)

17. Chepregi M., Horvat Ch. *Potr Yefimovich Sheshkin i Vengriya* [Pyotr Efimovich Sheshkin and Hungary]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2021, no. 11 (1), pp. 188–197. (In Russian)

18. Chernetsov V. N. *K istorii rodovogo stroya u obskikh ugrov* [To the history of the clan system among the Ob Ugrians]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1947, no. 6–7, pp. 159–183. (In Russian)

19. Chernetsov V. N. *Nizhneye Priob'ye v I tysyacheletii nashey ery. Obzor i klassifikatsiya materiala* [Lower Ob region in the I millennium AD. Review and classification of material]. *Materialy i issledovaniya po arheologii* [Archaeological materials and research]. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1957. Vol. 58. Pp. 136–245. (In Russian)

20. Chernetsov V. N. *Predstavleniya o dushe u obskikh ugrov* [Ideas about the soul among the Ob Ugrians]. *Issledovaniya i materialy po voprosam pervobytnykh religioznykh verovaniy: Trudy Instituta etnografii AN SSSR. Novaya seriya* [Research and materials on questions of primitive religious beliefs: Proceedings of the Institute of Ethnography of the USSR of the Academy of Sciences. New series]. Moscow: AN SSSR Publ., 1959. Vol. 51. Pp. 114–156. (In Russian)

21. *Sheshkinskiye chteniya: Materialy regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Sheshkin Readings: Materials of the regional scientific and practical conference]. Saranpaul: Izdatel'skie resheniya po licenzii Ridero Publ., 2022. 202 p. (In Russian)

22. Kama Kaido Viimase mansi kuninga meenutuseks: Kakskümmend kuus aastat hiljem. *Akadeemia*, 2008, no. 7 (232), pp. 1411–1436. (In Estonian)

23. Kannisto A. *Materialien zur Mythologie der Wogulen*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1958. 443 p. (In German)

24. Karjalainen K. F. *Die Religion der Jugra Völker*. Helsinki: Porvoo, 1922. Bd. II. 284 p. (In German)

25. Munkácsi B. *Vogul Népköltési Gyűjtemény*. III/1. Medveénekek. Vogul szövegek és fordításai. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1893. 539 p. (In Hungarian)

26. Panchenko L. N. Small genres of folklore in the manuscript heritage of P. E. Sheshkina: translation. *Proceedings of the International Conference "Scientific research of the SCO countries: synergy and integration"*. (December 8.12.2020, Beijing, PRC). China: Publ. Beijing, 2020. Part 2, pp. 59–64. (In English)

27. Reguly Antal hagyományai / a' Magyar tud. akad. megbízásából kiadta Hunfalvy Pál. Pest: Eggenberger Ferdinák akad. könyvtáránál, 1864. Köt. 1: A' vogul föld és nép. 1864. VIII. 364 p. (In Hungarian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Попова Светлана Алексеевна, ведущий научный сотрудник, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14А, каб. 310), кандидат исторических наук.

rusina-popova@yandex.ru

ORCID.ID: 0000-0002-0675-2743

ABOUT THE AUTHOR

Popova Svetlana Alekseevna, Leading Researcher, Research Department of History and Ethnology, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira Str., 14A, office 310), Candidate of Historical Sciences.

rusina-popova@yandex.ru

ORCID.ID: 0000-0002-0675-2743